

— М-да, не повезло тебе, Фанька, — сказала Ульяна, и я грустно выдохнула в чашку, лениво ковыряя ложкой дешевый чайный пакетик.

— Ага, вот уж точно. Хоть застрелись!

Мы сидели с лучшей подругой в шумной университетской столовой главного учебного корпуса и обсуждали последние события моей сложной студенческой жизни.

Еще вчера все в ней складывалось вполне себе благополучно. Училась я хорошо, подрабатывала, все два с половиной года учебы на экономическом факультете снимала восьмиметровую комнатку у бабы Моти, и вот сегодня утром в одночасье моя упорядоченная жизнь вдруг обрушилась в тартарары. А все потому, что рано поутру эта самая баба Мотя вломила в мою комнату как испуганный бегемот и сдавленным голосом пропищала — держась рукой за сердце и вращая за стеклами очков по-рыбьи выпученными глазами:

— Анфиска! Быстро собрала вещи и дуй отседа на все четыре стороны! Чтоб и духу твоего не было на моем пороге! Можешь даже в этом месяце за комнату не платить, во как!

Сказать, что я удивилась, — ничего не сказать. Платила я хозяйке исправно (спасибо маме с папой, помогали дочурке, чем могли), гулянок не устраивала, парней не водила... Звали старушку Матильда Ивановна, была она женщиной опрятной,

продвинутой, с собственным ноутбуком, наушниками и трехлетним аккаунтом в соцсетях. Любила смотреть турецкие сериалы и уроки вязания, печь пироги. В общем, жили мы буквально душа в душу, а тут такое...

— Д-доброе утро, Матильда Иванна. А что случилось-то? Чего вы меня гоните?

Я оторвала голову от подушки, сдула со лба упавшую на глаза челку и утерла кулаком слюнявую щеку. Все-таки зубрежка макроэкономики до четырех утра срубает человека с ног похлеще снотворного!

Потные ладошки бабы Моти тут же с хлопком легли на необъятную грудь.

— Я-то?! Бог с тобой, девонька! Я тебя не гоню. Я тебя, можно сказать, от душегуба спасаю!

— В смысле? — пришлось все же сесть на кровати и выпростать ноги из-под одеяла. — Какого еще душегуба? — Я старательно протерла кулачками глаза.

— Да племянничка родного! Век бы его, ирода, не видеть. Сегодня аккурат освободился. Двенадцать лет, ворюга проклятый, за решеткой за разбой оттрубил, на волю вышел и сразу ко мне намылился. Хорошо хоть позвонил! Встречайте, мол, тетушка, на вольные хлеба! Одна ты у меня кровиночка осталась на всем белом свете!.. Все, Фанька! — глаза бабы Моти за толстыми стеклами очков стали еще больше прежнего. — Уже едет сюда!

— А-а-а! — закричала я.

— А-а-а! — подхватила Матильда Ивановна и, охваченная чувством глубокого сожаления, крепко чмокнула меня в лоб (хоть бы синяк не остался!). — Не поминай старуху лихим словом, детка, — сказала, всхлипнув. — Чем смогла, помогла.

И предложила, пуская тонкую слезу:

— Ты давай сумки живенько собери, вместе в гараж оттащим. Ключ я тебе дам. Как квартирку себе найдешь —

так и свезешь вещички. А ключик после в почтовый ящик брось. И чтоб сюда ко мне ни ногой, поняла?! Не дай бог, попадешься злыдню на глаза — не вырвешии-и-и...

— Вот такие дела, Уляш, — я снова хлюпнула носом и посмотрела на пирожок. Пить не хотелось, есть тоже, и пирожок с капустой казался черствым и невкусным.

— Да-а, ни к черту дела, прямо скажем, — вздохнула подруга, подпирая щеку кулаком. — Слушай, Фань, а может, попробовать в общагу устроиться? — предложила. — Ты же студентка и как-никак иногородняя. Должны же они войти в положение.

— Да ходила я. Сразу от бабы Моти и потопала.

— И что?

— Нет мест! Через три недели сессия, к праздникам молодежь разъедется по домам, вдруг кто-то да вылетит... В общем, комендант обещала помочь.

— Ну вот видишь, уже кое-что!

— Да мне и дома общаги хватает, Уль! Видела бы ты мою сумасшедшую семейку. Я одна привыкла, понимаешь? Так легче на учебе сосредоточиться и работе. Мне бы угол найти, чтобы перекантоваться где-нибудь пару дней, а там девочки из агентства обещали помочь. Эх, Улька, — я снова с чувством вздохнула и принялась дальше ковырять ложкой чайный пакетик, — так жалко свою комнатку — слов нет! И куда теперь пойти-податься — ума не приложу.

— Фань, а может, все-таки ко мне? — Улянка с участием заглянула в глаза. — Все ж не на улице. Маму с папой я уговорю, а Лешка и на полу поспит, не сахарный. Где-нибудь в коридоре. А лучше в тамбуре! А?

Вот она, сила настоящей дружбы, даже реветь захотелось. Но я ж не сволочь, в конце концов! Вот не было бы настроение таким паршивым, мы бы сейчас с Уляшкой обязательно от души поржали над ее старшим братцем, спящим в тамбуре, а так... Мало того, что подруга с Лешкой до

сих пор делят комнату в родительской двушке на двоих, так еще и меня в их семейном гнезде Лесничих-Ким для полного счастья и не хватало!

— Нет, спасибочки, только не к тебе. Мне еще пожить охота!

Про «пожить» — это я ни капельки не солгала. Дело в том, что семья у моей подруги Ульяши глубоко интернациональная. Папа кореец, мать — беленькая уралочка, так что дети получились просто конфетки! Оба розовогубые, ясноглазые и стройные. Вот только, в отличие от Ульянки, Лешке (по прозвищу Леший) от отца перешла еще и небывалая самоуверенность, поэтому девчонок за ним шаталось тьма-тьмуца! Не меньше, чем за его друзьями — Мальвином и Соколом. Так что не-а, не хватало мне еще с потрешанными патлами ходить!

Мне же, в отличие от подруги, внешность досталась обычная, славянская. Роста я среднего, волосы русые, местами со светлыми прядками. Слишком густые и длинные, в талию, но я уже научилась с этим справляться, затягивая на затылке тугой бублик. И даже ресницы имеются о-го-го какие! Не хуже, чем у Мальвина... ну, если покрасить. А так-то обычные себе реснички, и глазки зеленые. Ничего особенного.

Да! Я же не представилась!

Зовут меня Анфиса — Фанька для своих. Фамилия Чижик. Знаю, сочетание убойное, но возмущение по этому поводу я высказала родителям еще много лет назад. Классе эдак в третьем. Так хотелось быть Олей или Леной. Ну, или Екатериной — как великая императрица! Так нет же! Будь добра с честью носить имя любимой бабули! А то, что наши имена, чтобы не путать, родственнички упростили до Фиски и Фаньки — так это дело десятое! Никто ни меня, ни бабулю не спрашивал!

В общем, посмеялись родители от души моему возмущению, показали старшей дочери язык и назвали только что

родившихся девчонок-двойняшек — Николь и Мишель. Чижики, ага. Вот чудачки! А еще у меня есть младший брат Роберт — троечник-недоучка. И если я в глубине души все же лелею надежду когда-нибудь сменить свою птичью фамилию на нормальную человеческую, то Кубику-Рубику как быть?! Ага, триндец! Так Чижиком Федоровичем и летать!

О чем это я?.. Ах, да! Мы же в столовой!

— Нет, спасибо, только не к тебе, Уль. Мне еще пожить охота! Я и так вижу, как на меня смотрят наши девчонки, зная, что я бываю у вас с Лешкой дома и он даже — о, ужас какой! — помнит меня в лицо! Нет, мне бы придумать что-нибудь самой, вот только что?..

Я как раз вздохнула и приготовилась вновь хлопнуть носом в остывшую чашку с чаем, когда упомянутая мной троица парней вошла в столовую — Мальвин, Леший и Сокол. Так уверенно прошествовали друг за дружкой между столиками к буфету, как будто им сам ректор бляхи медные на пузе начистил до золотого блеска и бесплатный талон на обед выдал! Все присутствующие девчонки тут же повернули головы в сторону парней и принялись незаметно прихорашиваться.

Настроение было ни к черту, и я, как завистливый дракон, выпустила пар из ноздрей:

— Тоже мне — короли универа! Позеры хреновы! Вот у кого ни печали, ни тебе проблем в жизни. Ешь удачу ложками — не хочу!

— А? — рассеянно отозвалась Ульянка, на долгую минуту выпав в другое измерение, а я только отмахнулась, глядя как у подруги загорелись глаза.

Опять двадцать пять! Подружка вот уже второй курс страдает по Мартынову-Мальвину, а мне терпи!

Не понимаю, и чего такого она в нем нашла? Ну, высокий, светловолосый, по-девчоночьи привлекательный, но вот это заносчивое выражение на лице «а-ля пуп Земли», фирменное движение головы «уберите мне челку с глаз»

и капризные губки бантиком... Фу! Ну смотреть же противно! Мне противно, а другие девчонки ничего, пялятся. И на его дружков-индюков тоже.

Нет, я, конечно, не всегда была вот такой — невосприимчивой к чужой красоте. Еще два года назад я бы и сама пускала слюну и томно страдала, с надеждой отыскивая в больших голубых глазах Севы Мартынова свое отражение, как другие девчонки. А сегодня мне внимание таких парней, как Мальвин, — и даром не нужно. Спасибо жизни, научила однажды Чижика, как любить и больно обжигаться. Навсегда запомнила.

Вот и сейчас Уляшка смотрит, а парень обводит взглядом столовую, как будто ищет кого-то, или любитесь отражением себя любимого в чужих глазах.

Боюсь, что на моем унылом лице отразились все чувства. Посчитав, что настроению дальше падать некуда, я приставила два пальца ко рту и продемонстрировала Улянке рвотный рефлекс. Так погано на душе мне уже давно не было.

— Чего ты, Фань? — включив сознание, тут же поджала губы верная подружка. Покраснела, засмущавшись, когда голубой взгляд скользнул по нашему столику и задержался. — И ничего Мальвин не фу! А очень даже симпатичный! Только Лешка, гад, знакомить не хочет! Я сколько раз просила, а он отнекивается.

— Правильно делает, — одобрила я мудрое решение Лешего. — Ему как старшему брату лучше знать, какого ты парня заслуживаешь. Поверь мне, это точно не Мальвин!

Ну вот, кажется, Уляшка снова обиделась. Я обожаю свою подругу, но когда дело касается парней, наши с ней взгляды на привлекательность последних кардинальным образом расходятся, и тут уж ничего не поделать. Плюрализм мнений, кирдык его за ногу!

— Ты так говоришь, Фанька, — Улянка нахмурила тонкие брови, — как будто сама не студентка экономического

факультета со стипендией в три копейки, а принцесса датская, не меньше, избалованная вниманием принцев. Ну ладно мой Лешка тебя ни разу не зацепил, у него внешность специфическая и характер свинский, но ты еще скажи, что тебе Сокол не нравится. Ни за что не поверю!

Еще одна местная знаменитость!

Я обернулась и посмотрела на Артема Сокольского, который сейчас с Лешим и Мальвином как раз садился за центральный столик, самым наглым образом сгоняя с места мальчишек-первокурсников, грозно рывкнув: «Исчезли, мелочь!»

Русоволосый, с модной стрижкой, не такой высокий, как друг, но куда спортивнее и резче в движениях. На мой взгляд, слишком вспыльчивый и необаятельный, чтобы вот уже третий год подряд оставаться капитаном футбольной команды университета. Первый задира, которому, по слухам, всегда все сходит с рук. Эдакая смесь Брэда Питта и Тома Круза двадцатилетней давности с признаками самоуверенного психа. Смешайте все ингредиенты в одном флаконе, хорошенько взболтайте, и я уверена, вы меня поймете.

Вообще-то от таких парней я стараюсь держаться подальше, потому как ничего приятного в них нет! Ну, кроме внешности, конечно. Обычным девчонкам рядом с ними уж точно делать нечего! Ни верности у них, ни совести!

Нравится ли мне подобный тип, перетискавший половину девчонок на факультете и наверняка оставивший их с разбитым сердцем?.. Хм. Ну, если подойти к вопросу с теоретической стороны, то, пожалуй, я бы не отказалась быть прижатой таким красавчиком к стене — в одном из своих эротических снов. Но с практической, в реальности... О, не-е-е-ет! Мне и так в жизни проблем хватает! Маленькая поправочка: с некоторого времени Анфису Чижика местные бруталы на букву «К» не интересуют!

— Не-а, не нравится. Ни капельки, — я снова повернулась к подруге. — Глупо мечтать о том, кто высоко летает и метко гадит в душу. А насчет Лешки, Уль, это ты зря. Вот если бы не знала о грязных носках твоего брата под кроватью и как он тебя достает — обязательно бы влюбилась. А так, извини, ему и без меня женского внимания хватает.

Ульяшка вдруг скисла и виновато повесила нос.

— Это ты меня извини, Фань, — сказала грустно. — У тебя тут жизнь рушится, ночевать негде, а я сижу и, как последняя сволочь, обсуждаю достоинства местных парнокопытных. Да пошли они все!

И такое лицо у нее вдруг стало виновато-жалостливое, что мне захотелось подругу приободрить. Ну, подумаешь, отвернулась удача — с кем не бывает. Что же мне теперь своими проблемами друзьям жизнь портить?

Я заставила себя съесть пирожок и даже заулыбалась. Мол, ерунда проблема! Да кто не был бездомным студентом! Подумаешь! Все еще возьмет и ка-ак образуется всем на зависть! Я же оптимист!..

— Да брось, Уль! Все будет хорошо! Вот увидишь! — бодро так сказала, вот только улыбка почему-то вышла кособокой и последний кусок пирожка в горле застрял.

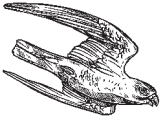
И добавила уже не так уверенно, глядя в темные Ульяшкины глаза:

— Пошли уже на пару, Ким, а то опоздаем. В моем случае уж точно вечер утра мудренее.

Но как бы я ни хорохорилась, учебный день подходил к концу, а вариантов, где заночевать — у меня по-прежнему не было.

Последняя пара у нас с Ульянкой проходила в разных аудиториях, мне не хотелось смущать подругу, и как только преподаватель закончил лекцию, я вышла из корпуса и поспешила к остановке. Села в автобус, проехала два квартала и сошла, чтобы пешком направиться к кафе, в котором рабо-

тала по вечерам. Моя смена начиналась через два часа, обычно я успевала заехать домой и переодеться, но сегодня пошла напрямиком к кафе, понадеявшись, что Тимуру пара лишних рук никогда не помешает. А там видно будет, что дальше делать и где спать. Вот выпроводим последних посетителей, и заночую на скамеечке в подсобке, если хозяин не прогонит. Ну а если прогонит, делать нечего, как все бездомные, поплечусь на вокзал. Как раз за вечер и заработаю себе на место в VIP-зале ожидания. Три ха-ха.

Работала я в спортивном кафе-баре «Маракана», расположенном в центральной части города, названном так в честь самого известного футбольного стадиона Бразилии и всей Южной Америки, где прошло много памятных матчей и мировых первенств в истории спорта. Хозяин кафе — Тимур, довольно молодой еще парень, оказался ярким фанатом футбола, и за год работы в кафе под его началом, обслуживая клиентов во время матчей, слушая вполуха их не очень трезвые разговоры, я успела так много узнать о футболе (для простой девчонки), что теперь запросто могла каждому любопытному объяснить, что же такое офсайд. На пальцах, конечно, объяснить, но сам факт!

На полной ставке в кафе работали посменно два официанта, повар (на легкие закуски), бармен, охранник и посудомойка. Зарабатывали ребята неплохо, бар пользовался заметной популярностью у молодежи и компаний постарше, расширять штат никто не соглашался из-за любви к своим кровным, и моя задача бедной студентки состояла в обеспечении этих жадин лишней парой рабочих рук. Когда нужно, я могла и столики обслужить, и посуду помыть, и столы вытереть. Подумаешь, лишь бы платили. Хозяин рассчитывался наличными после каждого выхода на мои полсмены, меня это устраивало, и выходить я старалась почаще.

Уляшка не соврала, до принцессы датской мне было как до луны, и три копейки заработка к трем копейкам стипен-

дии — позволяли чувствовать себя почти что свободным человеком. Как там в знаменитом фильме «Девчата» говорила Гося Кислицына: «Хочу — халву ем, хочу — пряники»? Так вот, ни то, ни другое я не любила, а вот от шоколадки отказаться не могла.

Раз столик. Два столик. Три...

В кафе было не очень много посетителей, я как раз закончила обслуживать молодую пару, когда в кармане отозвался телефон.

— Алло? — Звонок был с неизвестного номера, только поэтому я нажала кнопку «принять» и поднесла телефон к уху.

— Привет, Фань. Это я.

Голос был мне знаком, и тут же захотелось отключиться. Парень это почувствовал, потому что почти выкрикнул:

— Подожди, Анфис! Пожалуйста!

— Чего тебе?

— Мы давно не говорили по-настоящему.

— И?

— В эти выходные хочу съездить домой — поехали вместе?

Что?! Черт! Захотелось взвизгивать: ну что за день! Я совершенно точно на выходные собиралась к родителям. Как же так? Вот же закон подлости! Только бывшего мне в дороге и не хватало! А если еще учесть, что он мой сосед...

— Нет.

— Ну, Фань, перестань. Сколько можно дуться, как маленькая.

— Сколько нужно, столько и можно.

— Мы же уже говорили, солнышко. Я тебе столько раз объяснял, что отношения во время учебы в университете — для меня ничего не значат! Помнишь, как у хиппи? Это время свободы, детка! Никто никому не должен, живем один раз! Учеба закончится, и мы снова будем вместе, обещаю. Я легко зачеркну прошлое.

До чего же не хотелось с ним говорить.

— Да мне все равно — значат или нет. Я тебе повторю, мне не трудно: между нами давно все закончилось. Твоя личная жизнь меня больше не интересует и не касается никаким боком. Отстань, а?

Как всегда он решил обвинить меня. Ничего нового. Даже голос зазвучал с обидой.

— Все было бы хорошо, Фанька, если бы ты не приехала учиться в этот университет. Я тебя просил, предупреждал. Кто тебе мешал поступить на учебу в другой город, как ты планировала? Пять лет, это все, что мне было нужно!

Никто не мешал, душой была потому что. Хотелось своему парню-студенту сюрприз сделать. Сделала — себе. Кто же знал, что так глупо и некрасиво, в один миг закончится моя школьная любовь. Я-то мечтала, что он обрадуется, узнав, что поступила в его университет, а на деле получилось наоборот. Не только не обрадовался, но даже и виду не подал, что знаком с глупой провинциалкой в немодном платье, когда я нашла его в компании таких же, как он сам, друзей, а на руках у него оказалась незнакомая девчонка. Красивая девчонка. До сих пор помню высокий каблук и короткую юбку, и пальцы моего парня на голом бедре. Помнится, тогда своим появлением я прервала страстный поцелуй...

Козел! И как я столько лет могла к нему что-то чувствовать?

Нет, я не собиралась ничего объяснять и уж тем более понимать. Уходя — уходи. Тогда я ушла, смогла уйти, хотя ноги дрожали, а крик рвался из груди. Неделю белой проревела, а потом ничего, отошла. Спасибо чуткой заботе Матильды Ивановны, ее поучительным байкам по мотивам турецких сериалов и сладким пирогам. И спасибо учебе. В конце концов, я действительно сюда за профессией приехала, а не ползать за бывшим побитой двор-

нягой. Ревнивой дворнягой, которую добрый хозяин то поманит к руке, то прогонит.

Не-ет, это точно не про меня. Как там сказал Омар Хайям: «Ты лучше голодай, чем что попало есть. И лучше будь один, чем вместе с кем попало»?

Так вот — это по мне! Лучше быть одной!

— Фань? Так я куплю билеты и подожду тебя на вокзале? Давай к шести. Как раз к восьми будем дома. Может, сходим куда-нибудь? Ну не могу я, Чижик, соскучился...

Че-го?

— Да иди ты! — я вдруг рассердилась. И так жизнь не клеится, так еще и этот дятел — нашел момент, чтобы добить. — Иди ты со своими билетами знаешь куда! Соскучился он! Больше никогда мне не звони, понял! Никогда!

Звонок сбросила, но почему-то легче не стало.

Было уже десять часов вечера, бар привычно гудел, когда за столик у окна уселся Лешка. Я как раз успела все прибрать.

— Привет, Чиж, — поздоровался, взглядывая черными глазами сквозь упавшие на лоб крашенные светлые прядки.

— Ну привет.

Иногда Леший с друзьями заходил в кафе, поэтому я не очень удивилась, увидев перед собой брата подруги.

— Все нормально? — спросил.

— Все нормально.

— А чего тогда ревешь?

— Тебе показалось, Ким. — Я выпрямила плечи и сунула тряпку за спину. Опомнившись, принялась с новым усердием тереть столешницу. — Заказ сделаешь? Или будешь и дальше меня рассматривать? Я, знаешь ли, сегодня немного не в форме и не в том настроении. Так что давай без своих обычных штучек. Все равно на меня твои приемчики не действуют.

Лешка улыбнулся. Сложив руки на столе, оглянулся в сторону друзей и придвинулся ближе.

— Я заметил.

— Вот и хорошо.

— Что ж ты всегда такая колючая, Чижик? — удивился, заглядывая в глаза. — Может, я помочь хочу, а ты кусаешься. Ульянка рассказала о твоей беде. Если хочешь, давай к нам. Обещаю ночью не приставать.

Да кто б тебе еще позволил! Но на деле получилось только жалко хлюпнуть носом.

— Ты же знаешь, что не поеду.

— Фань, — парень вдруг изменился в лице и стал похож на нормального человека, а не на остряка-гоблина, каким частенько бывал. — Неужели серьезно ночевать негде?

— А что я, по-твоему, здесь делаю в начале одиннадцатого? — вздохнула. — Да все нормально, Леш, не переживай. лягу в подсобке. Два дня занятий, а там на выходные домой уеду.

— А разве Тимур не ставит бар на сигнализацию? Кто ж тебя здесь оставит?

Все-то он знает. И правда — кто? Пожалуй, на это и ответить нечего.

— Ну-у...

На стол со стуком упали ключи.

— Держи, Чиж! Переулок Федосеева, дом два, квартира двадцать восемь. Седьмой этаж. Сегодня переночуешь, а завтра что-нибудь придумаем.

Я усталилась на ключи, как некормленная дворняга на кость, от неожиданности прижав тряпку к груди. Захлопала на парня изумленно ресницами.

— Ой, Лешка, правда, что ли? Мне?

— Правда. Для себя добывал! Сестре спасибо скажи. Достала своим Чижиком!

— Спасибо!

Парень уже встал, собираясь уйти, но вдруг обернулся.

— Только, Чиж, смотри — чтобы завтра к девяти утра тебя из квартиры ветром сдуло! И постарайся не наследить, ясно? Ключи в универе с Ульянкой передашь — так, чтобы никто не видел!

Я энергично закивала. Счастье в жизни есть, однозначно!!

— Не будет! У меня же первая пара в восемь! Да я уже в семь исчезну как Золушка с бала! Честное пионерское!

И почему Леший вдруг озадаченно нахмурился?

— И никаких оброненных туфелек, — строго сказал.

— Обещаю!

— Ну, тогда беги, Чижик!

— Постой, Лешка! — на самом деле это я уже убегала к подсобке, но повернула назад. — Ты не сказал — в квартире кто-нибудь живет?

— Вообще-то хозяин имеется, — кивнул парень. — Но не переживай, Фань, он только что в другой город свалил, а мне вот ключи оставил — с девчонкой оторваться. Он, гад, дальше прихожей и кухни не пускает, так что ты — считай моя ему месть.

Леший растянул рот в недоброй усмешке, а я покачала головой. Нет, не понять мне мужскую дружбу.

— Фу-у! — оттопырила вниз большой палец, но губы улыбались.

На самом деле мне было все равно. Понять бездомного способен только бездомный. Я устала думать, устала переживать, сейчас я хотела лишь одного — спать!

Йух-ху! Я кинулась к своему шкафчику в подсобке и в две минуты сняла форму, натянула пуховик и шапку. Затолкала в сумку завернутые в бумагу бутерброды. Ну и подумаешь, что вместо чаевых у меня сегодня съестная добыча. Они совсем нетронутые на тарелке лежали — поджаренный хлеб, маслице и красная икорочка. Зато будет, чем позавтракать. Клиенты оставили, а мы — студенты — народ не гор-

